

Бэзил Лиддел Гарт

ИСТОРИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1914 — 1918

Издательство АСТ
Москва

УДК 94(100)''1914/18''

ББК 63.3(0)6

Л55

Лиддел, Гарт Бэзил.

Л55 История Первой мировой войны / Гарт Лиддел ; [пер. на русс. В. Л. Гончарова]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 576 с.

ISBN 978-5-17-104511-1 (Страницы истории)

ISBN 978-5-17-090563-8 (История в одном томе)

Сэр Бэзил Лиддел Гарт — известнейший английский военный историк и теоретик военного искусства, оказавший большое влияние на развитие теории стратегии в целом.

«История Первой мировой войны» создавалась в то время, когда были еще живы свидетели и участники событий. Это позволило автору, опираясь не только на архивные материалы, объективно рассмотреть наиболее интересные и важные моменты военной кампании 1914—1918 годов.

УДК 94(100)''1914/18''

ББК 63.3(0)6

ISBN 978-5-17-104511-1 (Страницы истории)

ISBN 978-5-17-090563-8 (История в одном томе)

© The Executors of Lady Liddell
Hart, deceased, 1970

© Издание на русском языке
AST Publishers, 2017

Джону Брауну и Легиону

Благодарности

Я хочу поблагодарить тех, кто прочел разные части этой книги и высказал свои критические замечания и предложения – подполковника Г. Дж. де Ватервилля, м-ра Э. Дж Хаука, а также того, имя которого я не называю, но чье знание источников было столь же безазграничным, как и усилия, которые он предпринял, чтобы помочь мне.

От редакции

Впервые эта книга увидела свет в 1930 году под интригующим заглавием «Правда о войне» (*Real War*). Пять лет спустя она была переведена на русский язык и опубликована «Воениздатом». Но к тому времени автор кардинально переработал ее и в 1934 году выпустил вторым изданием под названием «История Мировой войны». В книге изменилась структура глав, появились новые вставки и эпизоды. В частности, появился отдельный раздел о действиях авиации, а в главу, ставшую четвертой, были добавлены две новые сцены – про Лембергское сражение 1914 года и первую битву у Ипра.

Конечно же, работа Лиддел Гарта не претендует на подробное изложение событий Первой мировой войны; более того, свое внимание автор в основном уделяет Западному фронту и действиям британского командования. Но книга не просто содержит общий обзор событий Великой войны, а пытается проанализировать их. Автор ставит себе задачей не только изложить системную хронику событий в их взаимосвязи друг с другом, но и показать, насколько большую роль в происходившем играл личностный фактор. Последнее, в свою очередь, заставляет его давать оценки действиям полководцев и политиков – в первую очередь английских, в меньшей степени – французских, немецких; совсем немного места уделяется австрийцам и русским.

Зачастую эти оценки звучат весьма нелицеприятно, но при этом почти никогда не выглядят однозначными. Автор, в отличие от многих современных историков, не стремится демонстрировать бездарность и жестокость одних генералов, противопоставляя им талант и благородство других. Он не стесняется скрывать свои симпатии к Фошу, Китченеру, Петэну или Ллойд-Джорджу, либо восхищения талантами Гофмана, одновременно весьма критически высказываясь о Френче, Жоффре или Хейге – но при этом старается быть справедливым, отмечая как достоинства, так и недостатки тех и других.

Обращает на себя внимание достаточно критическое отношение Лиддел Гарта к германскому командованию. Он совершенно справедливо оценивает Гинденбурга как парадную фигуру, в военном отношении близкую к нулю, высоко ставит Людендорфа, но охотно отмечает его ошибки – усматривая их причины в первую очередь в психологической обстановке, особенно на последнем этапе войны, в кампании 1918 года. Точно так же поражение немецких войск на Западе в 1914 году, приведшее к крушению «плана Шлиффена», автор видит в недостатке решимости у германского командования, побоявшегося поставить все на одну карту, пусть даже сулившую верный выигрыш. Нельзя не отметить, что в этом плане книга выгодно отличается от последующих работ Лиддел Гарта, оценивающих немецкий генералитет следующей войны уже куда менее критически.

Первая мировая война отошла в прошлое и давно уже перестала быть Великой, затененная катастрофой следующей мировой войны. Но именно поэтому интересно сравнение оценок Лиддел Гарта, касающихся Первой мировой с современными оценками Второй мировой. К примеру, превосходство германской армии в тактике и в уровне управления войсками для него является само собой разумеющимся, он даже не считает нужным обращать на этот факт особое внимание и подвергать его специальному разбору. Союзники вели действия, обычно имея превосходство в силах, зачастую весьма существенное – для автора это естественно. Потери англичан и французов обычно превышали потери германских войск, иногда – в разы, и Лиддел Гарт воспринимает данный факт как неприятный, но в целом естественный. Вот если при таком соотношении сил и потерь результат операции все же не был достигнут – тогда он неудача требует специального критического разбора с определением причин и необходимых мер по их устранению.

В результате сегодня книга британского историка получает еще одно измерение, не предусмотренное автором. Сравнивая события Первой мировой через призму взгляда не беспристрастного, но спокойного аналитика, мы можем оценить и адекватность нашего взгляда на события Второй мировой войны. На те события, которые до сих пор вызывают у нас бурю эмоций – понятных и неизбежных, но зачастую очень мешающих объективному анализу.

Предисловие автора к «Истории Мировой войны»

Прошло уже больше четырех лет с момента издания «Правды о войне». Это название было выбрано по причинам, объясненным ниже. Оно сыграло свою роль – но с течением времени потребность в нем прошла. Как попытка подытожить ряд существенных фактов войны она не привела к успеху и не решила никакой серьезной проблемы, но сама интерпретация этих фактов была подтверждена свидетелями описанных событий в различных странах – подтверждена настолько, что для автора это стало приятным сюрпризом.

Теперь, когда прошло уже двадцать лет с момента начала войны, выросло поколение, у которого нет никакой личной памяти о ней. Война стала историей. А следовательно, настало время, чтобы книга получила название, не связанное с современным ей контекстом. Еще одна причина тому – расширение ее содержания. Хотя работа эта все еще очень далека и от законченности, и от моего собственного идеала, ее по крайней мере можно уже назвать «историей» Мировой войны. Кроме того, она все-таки может внести свой вклад в обобщение опыта этой войны.

Перед вами – вполне самостоятельное развитие «Правды о войне», дополненное рядом отдельных эпизодов, описание которых взято из самостоятель-

ных монографий. Личный опыт заставляет меня сомневаться, возможно ли вообще составить удовлетворительную историю войны 1914–1918 годов каким-то иным способом, чем подобный метод «постепенного приближения». Погрязнув под огромной массой имеющихся фактов, очень трудно создать четкое и последовательное представление о событиях, и слишком велика вероятность, что впечатление окажется искажено самим весом отчетов. Но мне кажется, я нашел способ, позволивший мне в течение ряда лет построить ряд новых доказательств в расширившуюся структуру книги.

В процессе работы над книгой были пересмотрены некоторые концепции, но в основном они остались неизменными, произошло лишь расширение прежнего материала. Глава «Силы и планы сторон» теперь разделена на две главы, каждая из которых дополнена новым материалом. Два новых «сюжета» были добавлены, чтобы сделать историю 1914 года более полной: один из них посвящен начальному столкновению австрийской и российской армий, другой – осенней борьбе под Ипром и на Изере, предопределившей контроль над портами Канала. Добавлен также общий обзор войны в воздухе. Но основное увеличение текста произошло из-за дополнения существующих глав и «сцен» новыми фактами, опубликованными за прошедшие четыре года. В частности, несколько более полно разобрано германское вторжение во Францию в 1914 году, австро-германское наступление против России и ситуация на Балканах в 1915 году, события в Палестине в 1916 году; весенняя кампания 1917 года на Западном фронте и межсоюзнические взаимоотношения, которые предшествовали немецкому наступлению 1918 года.

Однако основные дополнения и большая часть нового материала содержатся в тех «сценах», которые касаются событий под Верденом, на Сомме, при Пашендале, «Первого прорыва» и прорыва во Фландрии. В меньшей степени новыми фактами дополнены сцены о Брусиловском прорыве, Аррасе, Мессине, наступлении под Камбре и Втором сражении на Марне.

В целом пересмотр концепции был сравнительно небольшим. Но новые факты, появившиеся за последние четыре года, вынудили меня изменить свой взгляд на такие вопросы, как германская стратегия под Верденом, планировавшееся наступление против Австрии, причины провала Нивелля в 1917 году, Версальские переговоры и приготвления к встрече немецкого наступления в 1918 году. По ряду пунктов новые подробности лишь подтвердили правильность старого представления, в других же случаях они выявили новые ошибки и помогли объяснить их причины. Я также изменил или опустил некоторые свои первоначальные комментарии к определенным эпизодам, вместо этого приведя те

или иные иллюстрации к событиям и дав читателю возможность самому сформировать свое заключение.

Предисловие автора к «Правде о войне»

Окончив эту книгу, я хорошо осознаю ее недостатки – некоторое ощущение удовлетворения происходит лишь от осознания, что любая завершенная рукопись несовершенна. Но эта книга имеет по крайней мере одну заслугу и одно отличие от большинства «историй» войны. Я не желаю скрывать ее недостатки, равно как и пытаться скрывать недостатки тех, о ком говорится на ее страницах. Стремясь к правде, я не пытался прибегать к гипокритическим румянам, скрашивая описания с целью подстроиться под то, что считается «хорошим тоном».

В моей трактовке тех или иных моментов мне важнее было дать материал для правильной оценки, нежели беспокоиться о сохранении репутации отдельных лиц, чтобы дать им возможность и в будущем, устроить бессмысленную бойню. Вооружась перспективой истории, я не могу расценивать репутации этих личностей выше судеб целого народа или одного из его поколений.

С другой стороны, я также не горю желанием клеймить ошибки отдельных лиц ради создания публичного эффекта, или же приписывать этим лицам все те ошибки и безумства, которые на деле были массовыми и всеобщими.

Настоящей задачей историка является систематизация опыта, постановка диагноза на основании этого опыта и предостережение будущих поколений – но никак не составление универсальных лекарств. Конечно, историк окажется беспочвенным оптимистом, если будет думать, что грядущие поколения внимут его предостережениям. Но история, по крайней мере, может дать урок хотя бы самому историку.

Название этой книги, имеющее двоякий смысл, требует краткого пояснения. Некоторые могут сказать, что война, изображенная здесь, не является «подлинной» войной, и «настоящую» правду войны следует искать в исковерканных телах и в надломленной психике отдельных людей. Я совершенно не собираюсь игнорировать или оспаривать эту верную, но одностороннюю точку зрения. Но для любого, кто пытается, как и я, смотреть на эту войну в контексте общей истории человечества, эта точка зрения не так важна. Война затронула судьбы миллионов людей, но корни этих судеб теряются в весьма далеком прошлом. Поэтому

крайне необходимо оценивать войну с определенного расстояния, отделяя главные ее нити от клубка человеческих несчастий и страданий – от личных переживаний участников войны.

Попытка сделать это тем более желательна, что нахлынувшая на нас за последнее время литература о войне не просто индивидуалистична – она фиксирует внимание только на мыслях и чувствах некоторых отдельных пешек войны. Да, война велась и решалась скорее разумом и волей отдельных индивидуумов, чем столкновением физических сил. Но это происходило в кабинетах и в военных штабах, а не в пехотных окопах или в уединении разоренных войной домов.

Другой – и более важный – смысл названия заключается в том, что уже настало время, когда можно писать «истинную» историю войны. Правительства с беспримечной филантропией открыли публике свои архивы, а государственные мужи и генералы – свои сердца. Можно смело оказать, что в настоящее время большинство свидетельств о войне или уже опубликовано, или доступно для исследователя. Но эти свидетельства пока еще недостаточно проанализированы.

Вал документов, дневников и мемуаров о войне хорош еще и в том отношении, что все появившиеся данные стало возможно проверить по личным показаниям тех, кто участвовал в ключевых событиях войны и принимает участие в обсуждении военного опыта. Еще несколько лет – и было бы уже слишком поздно. В подобной перекрестной проверке для историка заключается отличная возможность установить истину.

Чем в большей мере историк является свидетелем описываемых им событий или чем ближе он соприкасался с участниками этих событий, тем сильнее он приходит к убеждению, что история, основанная исключительно на официальных документах, является чрезвычайно поверхностной. Однако точно так же история может становиться и жертвой рукотворной мифологии.

Глава первая

ИСТОКИ ВОЙНЫ

Пятьдесят лет ушло на подготовку Европы к взрыву – и пяти дней оказалось достаточным, чтобы взорвать ее. Изучение того, как заготавливались подрывные средства, явившиеся основной причиной конфликта, лежит за пределами целей и содержания краткой истории Мировой войны. Иначе нам пришлось бы подробно углубиться в анализ влияния Пруссии на создание германского государства, в политические концепции Бисмарка, философские тенденции Германии и ее экономическое положение, то есть в совокупность факторов, превративших естественное стремление Германии к коммерческим целям в погоню за мировым господством. Нам пришлось бы также проанализировать тот пережиток средневековья, каким являлась Австро-Венгрия, понять ее сложную национальную проблему, искусственность ее правящих учреждений и то безграничное тщеславие, которое в своем безумии пыталось отсрочить неизбежный конец.

Нам пришлось бы исследовать необычную смесь самомнения и идеализма, руководивших политикой России и возбуждавших опасения за границы, главным образом среди ее германских соседей – смесь, которая, быть может, являлась наиболее смертоносной составной частью той мешанины, что привела к

итоговому взрыву. Нам пришлось бы уяснить себе постоянную тревогу Франции, вызванную непрерывным давлением, которому она подвергалась с 1870 года, изучить возрождение доверия, которое помогло ей противостоять дальнейшим оскорблениям, но в глубине души затаить тяжкую обиду за раны, нанесенные Германией ее телу хирургическим отсечением Эльзас-Лотарингии.

Наконец, нам пришлось бы показать постепенный переход Британии от политики изоляции к политике, сделавшей ее одним из равноправных членов европейской системы, и медленное распознавание ею истинных чувств к ней со стороны Германии.

Но даже обобщения, сделанные на основе такого обзора истории Европы за полвека, могут оказаться не менее точными, чем подробное изложение событий. Основные причины конфликта можно сформулировать тремя словами: страх, голод, честолюбие. Вне этого «международные инциденты», имевшие место между 1871 и 1914 годами, являются только симптомами.

Все, что в данном случае возможно и разумно, это обрисовать наиболее значительные вехи в цепи причин, приведших к воспламенению Европы. Цепь эта проходит через структуру союзов, которые Бисмарк создал после 1871 года. По иронии судьбы, сам Бисмарк мыслил их как щит, за которым будет мирно расти его детище – германская империя, на деле же они оказались складом взрывчатых веществ!

Хотя философия Бисмарка была увековечена в 1868 году его же словами: «Слабый существует, чтобы быть поглощенным сильным», сам Бисмарк не был кровожаден, и его аппетит вполне удовлетворился тремя блюдами, поданными войной 1870–1871 годов. Нельзя обвинить его и в обжорстве: чувствуя, что Германия теперь была, как он говорил, государством, «насыщенным энергией», он сделал своей руководящей идеей не расширение, а укрепление Германской империи. А чтобы выиграть необходимые для этого укрепления время и спокойствие, он поставил себе целью держать Францию в состоянии постоянной беспомощности, которая не позволила бы ей решиться на войну ради реванша. Однако события показали, что двух ошибочных суждений недостаточно, чтобы сколотить империю.

Помимо частых непосредственных угроз Франции, Бисмарк желал помешать ее назойливо быстрому возрождению косвенными мерами – изоляцией ее от друзей или возможных союзников.

Первая его попытка – это стремление сблизить Австрию с Россией, выковывая одновременно и общее звено с Германией, и обеспечение мира на Балканах как средство для предотвращения опасного перенапряжения этого звена. В течение нескольких лет политика его была

политикой «честного маклера» в дипломатической купле-продаже Европы, не компрометируя его принадлежностью к какой-либо группировке. Однако трения с русским канцлером Горчаковым и осложнения, вызванные русско-турецкой войной 1877 года, заставили его заключить в 1879 году оборонительный союз с Австрией, несмотря на возражения старика императора Вильгельма I, который рассматривал это как «предательство» по отношению к России и грозил отречением. Этот союз имел огромные последствия.

Бисмарк временно вернул Германии руководящее положение в Европе благодаря своему мастерскому дипломатическому удару 1881 года, известному под названием «Союза трех императоров» – когда Россия, Австрия и Германия обязались выступать совместно во всех балканских делах. Хотя союз этот и распался в 1887 году, тем не менее отношения Германии и России укрепились, а компенсацией явился секретный документ – так называемый «Перестраховочный договор», по которому обе державы соглашались в случае войны каждой из них с третьей державой добровольно сохранять нейтралитет по отношению друг к другу.

Однако соглашение это теряло силу в случае нападения Германии на Францию или России на Австрию. Этим вторым мастерским ударом, проведенным с большим искусством, Бисмарк предупредил нависшую тогда над Германией опасность союза России и Франции.

Между тем союз Германии с Австрией в 1882 году был расширен присоединением к нему Италии. Целью союза было предохранение Австрии от удара в спину в случае войны с Россией. С другой стороны, новые союзники Италии должны были оказать ей помощь на случай нападения на нее Франции. Однако из-за старой дружбы с Англией и ради собственной безопасности Италия внесла в соглашение особый пункт, в котором устанавливалось, что договор никоим образом не может быть использован против Англии.

В 1883 году по секретному и личному указу короля к этому новому тройственному союзу присоединилась Румыния. Даже Сербия была временно включена в этот союз отдельным договором с Австрией, а Испания – соглашением с Италией.

Что касается Британии, то, по-видимому, устремления Бисмарка сводились к желанию держать ее в дружеской изоляции от Германии и недружеской – от Франции. Его чувства к Британии колебались между дружелюбием и презрением, а причиной тому была система политических партий. «Старого еврея» Дизраэли Бисмарк уважал – но не мог понять точки зрения либералов, сторонников Гладстона; он презирал их действия. Хотя Дизраэли всецело подпал под влияние Бисмарка, и последний забавлялся мыслью, что он на поводу приведет Британию к

цепи союзов, а королева Виктория «отдавала себе отчет, что Германия будет во всех отношениях наиболее надежным союзником», тем не менее она меньше была уверена в надежности самого Бисмарка как представителя этого политического треста, и Дизраэли разделял с ней эти сомнения. Поэтому Бисмарку ничего более не оставалось, как с равным удовлетворением продолжать свою политику науськивания Британии поочередно то на Россию, то на Францию.

С тонким дьявольским расчетом он поддержал захват Британией Египта, ибо это вносило разлад между нею и Францией, одновременно противодействуя растущим в Германии требованиям захвата колоний. «Алчность наших колониальных шовинистов, – говорил он, – больше, чем она нам нужна или чем мы можем ее использовать». Действительно, такие устремления угрожали в дальнейшем склокой с Британией, а поддержка Бисмарком Британии в Египте являлась средством извлечения «заморских» концессий – крох, которыми он мог приглушить колониальный голод Германии. Голод же этот был слишком явным, чтобы можно было им пренебречь.

Возврат к власти в Англии консерваторов и увеличивавшиеся трения с Францией привели к новому усилению связей Британии с Германией, в результате чего предложение Бисмарка о союзе с большим удовлетворением было встречено кабинетом лорда Солсбери. По-видимому, последний воздержался от союза только из боязни, что парламент будет возражать против соглашения с иностранными державами. Тем не менее Бисмарк использовал эти изначальные, пусть и неофициальные, хорошие отношения с Британией, чтобы за бесценок обеспечить уступку Англией Гельгоlanda, столь необходимого Германии для ведения морских операций, а следующему поколению немцев – как ничтожный приз.

Таким образом, к концу 80-х годов грандиозная работа Бисмарка казалась законченной. Германия была подкреплена тройственным союзом, а дружелюбная позиция России и Британии по отношению к Германии приносила ей пользу, не причиняя в то же время излишних хлопот. Опираясь на эту надежную базу, Германия была готова развивать свое экономическое могущество, а Францию Бисмарк связал не только политической опекой, но и совершенной изоляцией.

Однако с началом 90-х годов в этом здании вскоре после отставки его строителя стали появляться первые трещины. Восшествие на престол в 1888 году молодого императора Вильгельма II было неприятно царю Александру III, который не любил его «навязчивую любезность» и не доверял ему. Но брешь в творении Бисмарка образовалась не по вине Александра, а по вине Вильгельма. Контроль Бисмарка раздражал Вильгельма и его Генеральный штаб – а у солдат, среди которых Вильгельм

вырос, он так просто и легко нашел союзников, что, связавшись с ними, позабыл, что этим самым кует для себя новые цепи.

Первым результатом после отставки «прорусского» канцлера был отказ его преемника возобновить с Россией «секретный договор» 1887 года. Вторым действием (естественным следствием первого) было то, что царь поборол свое отвращение к республиканству и в 1891 году заключил соглашение с Францией, которое год спустя было превращено в военную конвенцию для взаимной поддержки друг друга в случае нападения третьей державы. В этой конвенции был один чрезвычайно серьезный пункт, а именно: если кто-либо из членов Тройственного союза мобилизует свои вооруженные силы, то Франция и Россия немедленно мобилизуются. Царь не мог жаловаться, что он не понимает значения этого обязательства, так как французский генерал Буадефр, который вел переговоры с Россией, позаботился объяснить Александру, что «мобилизация означает объявление войны».

Царь проглотил эту пилюлю из боязни, что Британия вот-вот заключит союз с Германией, но пилюлей этой испортил себе желудок, так как утекло много воды, прежде чем сближение это предоставило Франции ощутимые дипломатические выгоды.

Тем не менее заключением этого соглашения Франция выходила из «карантина». С тех пор в Европе начали существовать две политических группировки. Хотя одна из них была хрупкой, а другая прочной, все же обе группировки представляли собой известного рода равновесие сил, хотя фактически силы их еще не были уравнены.

Особенно интересно проанализировать сам отказ Германии от секретного договора с Россией: рассматривавший это дело совет в Берлине отклонил договор как нелояльный по отношению к Австрии и Британии. Каковы бы ни были недостатки кайзера, он все же был искреннее Бисмарка; внешняя же неискренность его противоречивых суждений была, по-видимому, скорее следствием сочетания исключительной прямоты со способностью быстро менять свои решения. Основным различием между обоими этими людьми было то, что один стремился обеспечить стране безопасность путем постоянной нечестности, а второй нарывался на опасность благодаря своей болезненной честности. Заключение, вынесенное советом в пользу Британии и Австрии, отвечало точке зрения кайзера. Хотя он и изменил позицию по отношению к России, но поддерживал дружескую политику Бисмарка по отношению к Британии – быть может, стремясь к этому именно ради более искренних и менее политизированных отношений. Личностным же источником этой близости была взаимная неприязнь кайзера и его дяди, принца Уэльского – позднее ставшего королем Эдуардом VII. И, как ни

странно, семейство Бисмарков стремилось как раз расширить брешь в личных отношениях монархов.

Но все это не могло бы привести к спайке наций, если бы здесь не играли роли другие, более серьезные причины. Вернее, значение имела одна и та же причина, но с различными оттенками. Корни ее лежали в перемене направления германской политики от роста внутреннего к росту внешнему. Рост германской торговли и веса Германии на международном рынке неизбежно привел к столкновению во многих местах интересов Германии и Англии¹. При искусном, подчас вероломном руководстве Бисмарка эти столкновения не привели бы к таким трениям, при которых уже летели искры, грозившие пожаром войны. Британские государственные мужи были до крайности толстокожи, это их легко можно было провести. Партия, отдававшая себе наибольший отчет в государственных делах Британии, была, по случайному стечению обстоятельств, партией наиболее приятной для императорской Германии. Но Бисмарка уже не было, и искусства его также не было. Как обычно бывает, последователи великого человека забыли его принципы и помнили только его железную волю.

К счастью, сам кайзер умел очаровывать. Благодаря этому, несмотря на многочисленные трения, ему удалось не только сохранить популярность в Англии, но и крепко прибрать к рукам нового русского царя, слабого и мягкотелого Николая II. Некоторое время кайзер пользовался выгодами этого влияния, сам не беря на себя никаких обязательств.

Первое обострение с Британией, отбросившее роковую тень и на будущее, возникло из-за Турции. В 1892 году у власти в Англии вновь оказалось либеральное правительство. Как рассказывает Грэй, внезапно из Берлина было прислано нечто вроде ультиматума с требованием прекратить конкуренцию с Германией «в отношении железнодорожных концессий в Турции».

В последующие годы кайзер также не терял случая продемонстрировать, что в центре ткущейся паутины германской внешней торговли сидит злобный паук. В 1895 году его вмешательство позволило России лишить Японию ее добычи как результата ее войны с Китаем². В 1896

¹ Интересный момент: стандартная уже ныне маркировка «Made in...» была введена в Англии в конце XIX века специально для товаров из Германии, чтобы их нельзя было выдать за товары, произведенные в самой «мастерской мира». В то время «Made in Germany» означало ровно то же самое, что «Made in China» сотню лет спустя – дешевый низкокачественный ширпотреб. (Прим. ред.)

² В 1894 году активное проникновение Японии в Корею вызвало войну между ней и Китаем, протекторатом которого считалась Корея. Китай проиграл и по Симонескскому мирному договору от 17 апреля 1896 года был вынужден отказаться от протектората над Кореей, а также отдать